

Светлов П. Я., прот. О новом мнимом препятствии к единению старокатоликов и православных: [по поводу ответа проф. А. Гусеву] // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 5. С. 134–150 (2-я пагин.).

О новомъ мнимомъ препятствіи къ единенію старокатоликовъ и православныхъ.

Въ прошедшемъ 1902 году на цѣлый рядъ длинныхъ полемическихъ статей профессора А. Гусева старокатолики отвѣтили въ *Международномъ Богословскомъ Обзорѣннѣи* статью „*Nochmals zur Verständigung*“, которая появилась въ переводѣ на русскій языкъ въ брошюрѣ о Протопресвитера І. Л. Янышева „Новыя официальные и другія данныя для сужденія о вѣрѣ старокатоликовъ“. Въ своемъ отвѣтѣ старокатолики имѣютъ въ виду прежде всего русскихъ богослововъ—специалистовъ, ожидая отъ нихъ серьезнаго обсуждения отвѣта. Пока отозвались на этотъ призывъ немногіе. Въ № 45 *Церковнаго Вѣстника* за 1902 годъ было обращено вниманіе русскихъ богослововъ на одинъ пунктъ въ старокатолическомъ отвѣтѣ проф. Гусеву—дѣйствительно заслуживающій обсуждения. Имѣется въ виду уже не *Filioque* и „пресуществованіе“, литературный споръ о которыхъ можно считать исчерпаннымъ въ пользу старокатоликовъ, а взглядъ, выраженный старокатоликами по одному частному вопросу изъ ученія о церкви.

Въ своихъ полемическихъ статьяхъ проф. Гусевъ усвоилъ символическимъ книгамъ помѣстныхъ церквей восточныхъ, какъ *Православное Исповѣданіе* и *Посланіе восточныхъ патріарховъ*, значеніе вселенскихъ символовъ вѣры въ родѣ никейскаго символа, хотя, въ противорѣчіе такому ихъ значенію, и не отрицалъ въ нихъ существованія ложныхъ богословскихъ мнѣній. Объясненіе ошибки проф. Гусева въ дан-

номъ случаѣ старокатолическіе богословы справедливо находятъ въ ошибочномъ понятіи нашего богослова о церкви: проф. Гусевъ отождествляетъ современную восточную православную церковь съ „единой, святой, соборной и апостольской церковью“ никейскаго символа. Но видѣть въ совокупности помѣстныхъ восточныхъ церквей вселенскую церковь невозможно. Если-бы правиломъ былъ такой взглядъ, то помѣстныя церкви, образующія восточную церковь, могли бы собирать вселенскіе соборы, обязательные для церквей Востока и Запада. Но теперь ни на Востокъ, ни на Западъ не признаютъ возможными новые вселенскіе соборы со времени раздѣленія церквей и во все время его существованія. Послѣ раздѣленія древней церкви на восточную и западную первоначальное единство церкви превратилось по людской винѣ въ двоицу,—восточную и западную церковь, изъ которыхъ каждая не есть цѣлое, а только уже часть цѣлаго, т. е. вселенской церкви. Однако вселенская церковь продолжаетъ жить и сохраняться въ частныхъ церквахъ, въ каждой частной церкви,—по той мѣрѣ, по какой она неприкосновенно сохраняетъ и свободно отъ всякаго искаженія и омраченія содержитъ существенныя составныя части вселенской церкви. Къ числу такихъ церквей, вѣрныхъ вѣроученію нераздѣленной православной церкви седми вселенскихъ соборовъ, причисляютъ себя западныя старокатолическія церкви, очистившіяся отъ заблужденій церкви латинской, справедливо желая, чтобы ихъ считали относительно самымъ чистымъ представленіемъ нераздѣльной вселенской церкви Христовой на Западѣ.

Все, сказанное здѣсь старокатоликами, можно резюмировать въ одномъ слѣдующемъ положеніи: вселенскую церковь надо искать не въ восточной половинѣ, какъ это дѣлаетъ г. Гусевъ, и не въ западной половинѣ церкви, какъ этого хочетъ латинство, а въ совокупности частныхъ или помѣстныхъ церквей, вѣрныхъ догматическому ученію древней нераздѣльной церкви седми соборовъ.

Положеніе это признано въ *Церковномъ Вѣстникѣ*, независимо отъ вопроса о его правильности, новымъ и болѣе прежнихъ серьезнымъ пунктомъ возможнаго разногласія между старокатоликами и православными, препятствіемъ къ ихъ сближенію. Въ самомъ дѣлѣ, даже при всей своей правиль-

ности понятіе старокатоликовъ о вселенской церкви могло бы явиться новымъ раздѣлительнымъ пунктомъ и своего рода *impedimentum dirimens* въ случаѣ несогласія съ нимъ православно-восточныхъ богослововъ и солидарности ихъ съ мнѣніемъ проф. Гусева, признающаго „наличную православную церковь за единственную въ мірѣ правоспособную и истинно-вселенскую церковь“...

Въ указанномъ академическомъ органѣ не дается отвѣта на вопросъ, правильно-ли мнѣніе старокатоликовъ относительно догматическо-каноническаго достоинства восточной церкви, отрицаніе за нею права на авторитетъ и значеніе церкви вселенской? Ясный и категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ проф. Гусевъ (*Православн. Собес.* 1903, № 1, стр. 100—130), со свойственною ему авторскою манерою въ своемъ чрезмѣрно категорическомъ приговорѣ надъ указаннымъ мнѣніемъ старокатоликовъ выступая отъ имени православной (вселенской) церкви, за всѣхъ православныхъ богослововъ, съ подразумѣваемымъ и здѣсь отчисленіемъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ богослововъ къ разряду еретиковъ и предателей церкви.

По мнѣнію проф. Гусева, старокатоликовъ теперь должно „рѣзко отдѣлять отъ православной церкви уже самое понятіе о ней“, выраженное въ *Отвѣтъ* ему. (По моему мнѣнію, вѣрнѣе—взглядъ по частному вопросу о значеніи восточной церкви, а не понятіе или ученіе о церкви вообще). Здѣсь „громадной важности пунктъ *существеннѣйшаго* различія между старокатолицизмомъ и православіемъ“. Судьба вопроса о православіи старокатоликовъ рѣшается теперь безповоротно: отнынѣ и ослѣпленнымъ приверженцамъ ихъ нельзя уже говорить „о какомъ-то ихъ православіи“... „Съ ученіемъ древней церкви, ясно и раздѣльно выраженнымъ никео-цареградскимъ символомъ (вѣрую во *едину*...), несоединима мысль о какомъ-то распаденіи церкви „на двѣ половины“ и о какой-то „раздѣленной“ церкви. По согласному ученію древней церкви, Христова церковь не подлежитъ никакому раздѣленію или раздробленію. Думающіе объ этомъ иначе впадаютъ въ *ересь* своего рода. Чисто-еретическое ученіе о „раздѣленной“ церкви и выражено авторами *Отвѣта*, адресованнаго мнѣ“, говоритъ проф. Гусевъ.

И такъ, по квалификаціи проф. Гусева, новое препятствіе

къ соединенію старокатоликовъ съ православною церковью заключается въ еретической ихъ мысли о „раздѣленной“ церкви. Вопреки этому проф. Гусевъ горячо отстаиваетъ, въ качествѣ церковнаго, свой взглядъ, въ сущности парадоксъ,— что раздѣленія церкви или такъ называемаго отдѣленія западной церкви отъ союза съ восточною не было, нѣтъ и никогда не будетъ, потому что признаніе такого раздѣленія противорѣчитъ исповѣданію единства церкви въ IX членѣ символа вѣры и „ученію древней церкви“. Въ чемъ состоитъ это „ученіе церкви“, сейчасъ разсмотримъ, а пока укажемъ на то, что свой парадоксъ г. профессоръ Гусевъ подтверждаетъ личными апріорными соображеніями, придавая имъ тоже большую важность. Не признавать восточную церковь за вселенскую „значитъ отвергать теперешнее ея бытіе на землѣ“, ибо римская церковь есть лишь „пародія на церковь“, а въ протестанствѣ совсѣмъ нѣтъ и не можетъ быть церкви... Насколько здѣсь вѣренъ въ воззрѣніи на западную церковь нашъ противникъ старокатоликовъ своей православною церкви, увидимъ ниже; но вотъ новое соображеніе: „распаденіе церкви“, какъ распаденіе тѣла на двѣ половины, означало-бы собственно смерть или разрушеніе церковнаго тѣла“. Великій вредъ для церкви отъ раздѣленія ея, конечно, всѣми сознается, но ничто не мѣшаетъ намъ твердо вѣрить въ силу обѣтованія Господня о несокрушимости церкви,—болѣе того, чѣмъ сколько вѣрить проф. Гусевъ....

Перейдемъ къ его доводамъ въ пользу парадокса отъ имени „древней церкви“.

По ученію древней церкви раздѣленія въ ней нѣтъ, не было и быть не можетъ. И въ періодъ „нераздѣленной“ церкви ереси всегда выдѣлялись въ особыя религіозныя общества, напр., аріанъ, македоніанъ, евноміанъ и т. п.; отпадали отъ церкви многочисленныя „сонмища еретиковъ“, но отпаденіе ихъ нисколько не мѣшало церкви Христовой оставаться единою и нераздѣльною вселенскою церковью. Въ этихъ случаяхъ происходило не раздѣленіе церкви, а *выдѣленіе* изъ нея чуждыхъ ея организму элементовъ, подобно тому, которое совершается постоянно въ нашемъ тѣлѣ: „наше матеріальное тѣло не перестаетъ быть единымъ отъ того, что нѣкоторыя вещества принадлежатъ ему лишь вре-

менно, а затѣмъ выдѣляются изъ него во множествѣ "... Поэтому странно говорить о раздѣленіи церкви на двѣ половины по отпаденіи западной половины отъ восточной. „Первая изъ нихъ вышла изъ состава церкви, нисколько не нанеся ущерба ея единству и вселенскости, подобно тому, какъ выходъ изъ нашего тѣла какихъ-нибудь веществъ не измѣняетъ единства нашего тѣла“... Западная церковь находится въ такомъ же отношеніи къ вселенской церкви, въ какомъ продукты разложенія и обмѣна веществъ стоятъ по отношеніи къ тѣлу. Двоякаго рода бываютъ здѣсь продукты обмѣна веществъ въ тѣлѣ: 1) выдѣляемые изъ тѣла вещества возвращаются снова въ него и входятъ въ круговоротъ жизни, какъ слюна, желчь, желудочный сокъ; 2) другіе продукты обмѣна безвозвратно выдѣляются изъ тѣла и перестаютъ для него существовать, какъ моча, потъ, калъ, углекислота, мокрота и т. п. По мысли г. проф. Гусева западная церковь представляетъ собою одно „какое-либо изъ этихъ веществъ“ по отношеніи къ церкви. Едва-ли приходилось когда либо западному христіанству слышать надъ собою столь суровый приговоръ! Конечно, съ точки зрѣнія такого взгляда на западную церковь г. Гусевымъ совершенно правильно логически отрицается дѣйствительность и возможность раздѣленія церкви отпаденіемъ западной церкви отъ союза съ восточною церковью. Но весь вопросъ въ томъ вѣдь и состоитъ, правиленъ-ли самъ-то этотъ взглядъ г. Гусева на западную церковь? Справедливо ли называть эту церковь „мнимою церковью“, „пародію на церковь“ и отказывать ей даже въ названіи помѣстной церкви, какъ то дѣлаетъ нашъ богословъ, заявляя, что западная церковь „перестала быть истинною церковью, хотя-бы и помѣстною только“? Возможно-ли вѣрующимъ въ Св. Троицу и Христа, какъ Богочеловѣка и Искупителя, приравнивать къ сонмищу еретиковъ въ родѣ аріанъ, евноміанъ, апполинаріанъ, македоніанъ и т. п., какъ то позволяетъ себѣ дѣлать проф. Гусевъ? Благодетиво-ли даже примѣнять вышеупомянутое нечистое сравненіе по отношеніи къ западной христіанской церкви, все-таки, по общему мнѣнію, не лишеною нѣкотораго единенія со Христомъ и Духомъ Его въ Св. Евхаристіи и другихъ таинствахъ?!

Взглядъ проф. Гусева на западную церковь въ ея отно-

шеніи къ церкви вселенской стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ установившимся воззрѣніемъ восточной церкви, въ частности церкви русской, на западную церковь, отличающимся широтою и терпимостью, какихъ и слѣда не осталось у проф. Гусева. Воззрѣніе это точную общую формулу свою находитъ, напр., въ слѣдующемъ заявленіи одного изъ уважаемыхъ богослововъ русской церкви, въ разныхъ выраженіяхъ часто повторяемомъ въ нашей богословской литературѣ: „Православная церковь не отрицаетъ присутствія, въ извѣстной степени, божественной истины и христіанской благодати и въ протестантизмѣ, гдѣ правильно совершается св. крещеніе, возрождающее въ новую благодатную жизнь и вводящее въ царствіе Божіе. А въ римскомъ католицизмѣ православная церковь до сихъ поръ признаетъ полноту благодати даже священства, раздающаго дары благодати во всемъ мірѣ“ (о. Пр. І. Л. Янышева). Запечатлѣнное духомъ христіанской терпимости, воззрѣніе свое на западную церковь православная церковь подтверждаетъ практикою принятія въ лоно свое инославныхъ христіанъ: протестанты, въ русской церкви, воссоединяются чрезъ миропомазаніе, безъ перекрещиванья, а надъ католиками не повторяется миропомазаніе. Это воззрѣніе усвоено и проводится лучшими богословами православной церкви, ея подвижниками, іерархами, каковы митрополитъ кievскій Платонъ, московскій митр. Филаретъ, епископъ Теофанъ (Говоровъ), преп. Серафимъ Саровскій, проф.—прот. Сергіевскій, извѣстный ревнитель православія А. Муравьевъ, А. Хомяковъ и многіе другіе. Здѣсь и слѣдовъ нѣтъ категорическаго тона въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи западной церкви къ вселенской, по существу выходящаго за предѣлы человѣческаго вѣдѣнія; нѣтъ и слѣдовъ жестокой мысли о всецѣломъ выдѣленіи западной церкви изъ состава вселенской, и высказывается обратная мысль о нѣкоторомъ участіи и этой церкви въ жизни вселенской церкви. По однимъ здѣсь православная истинная церковь есть прочный мостъ черезъ рѣку, а инославныя церкви — слабыя мостки, переброшенные чрезъ рѣку къ одному и тому же берегу; по другому мнѣнію, совпадающему съ этимъ, въ восточной церкви больше условій спасенія, чѣмъ въ западной; по третьему христіанскія вѣроисповѣданія суть какъ-бы перегородки въ храмѣ еди-

наго Бога, далеко не достигающія высоты самаго храма и т. д. Многие православные богословы, въ томъ числѣ московскій митрополитъ Филаретъ, держатся мнѣнія о невозможности нынѣ вселенскаго собора, чѣмъ предполагается принадлежность западной церкви къ составу вселенской въ такой или иной степени.

Очевидно, въ суровомъ приговорѣ проф. Гусева надъ западнымъ христіанствомъ дѣйствительное воззрѣніе православной церкви по вопросу не нашло себѣ никакого выраженія. Воззрѣнія нашей православной церкви даже по менѣе сложнымъ вопросамъ не находятъ себѣ почему-то точнаго выраженія у нашего профессора. Вотъ примѣры. Желая устранить непріятную для себя цитату старокатоликовъ изъ бл. Августина, проф. Гусевъ высказываетъ презрительный взглядъ на этого отца церкви, у насъ не раздѣляемый: „Августинъ не отецъ и не учитель церкви“... Считаая излишнимъ спрашивать, кто же такое послѣ этого бл. Августинъ, напомнимъ ему общезвѣстный обычай нашихъ богослововъ, даже въ руководствахъ догматики, при историческомъ обзорѣ догматовъ, да и вездѣ — ставить имя бл. Августина наряду съ другими отцами церкви... По отношенію къ частнымъ богословскимъ мнѣніямъ, своимъ примѣчаніемъ о необходимости совѣта церкви въ дѣлѣ выбора нами богословскихъ мнѣній, проф. Гусевъ опять занимаетъ положеніе своеобразное, по крайней мѣрѣ для лучшихъ православныхъ богослововъ. Въ его примѣчаніи мимоходомъ сказалась несвойственная православію тенденція къ подавленію личности въ познаніи авторитетомъ и къ расширенію правъ и области догмата насчетъ богословскихъ мнѣній (ср. мое сочиненіе „Ученіе Церкви и богословствующій разумъ въ религіозно-христіанскомъ знаніи“ СПб. 1895, оттискъ изъ *Христ. Чтенія* 1895, вып. VI, стр. 413—441). Изъ этого видно, что не только своимъ воззрѣніемъ на западную церковь, но и самую логическую богословскую мысли вообще, ограничительными тенденціями послѣдней и ея общимъ направлениемъ проф. Гусевъ, къ сожалѣнію, не даетъ намъ надлежаще вѣрнаго представленія о православной церкви и богословіи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, будучи самъ по себѣ несомнѣнно ревнителемъ и усерднымъ защитникомъ православія.

Чтобы столь радикальное разногласіе мое съ почтеннымъ

нашимъ богословомъ не показалось кому-либо выраженіемъ обиднаго неуваженія къ нему, позволю себѣ маленькое отступленіе. Проф. А. Θ. Гусевъ стяжалъ себѣ среди насъ заслуженную репутацію талантливаго и плодовитаго апологета. Въ полемикѣ со старокатолическими богословами въ послѣднее время онъ выступилъ передъ нами въ качествѣ богослова-догматиста и полемиста. Я признаю въ А. Θ. Гусевѣ выдающагося богослова - апологета, защитника христіанской истины, но совершенно отрицаю его, какъ богослова-догматиста, защитника православной истины и ея истолкователя. Старокатолическую полемику я считаю темной полосой въ блестящей научно-апологетической дѣятельности проф. Гусева, о чемъ въ одно время высказался передъ нимъ въ личной перепискѣ съ нимъ...

Въ доказательство православной церковности своего воззрѣнія на западную церковь, проф. Гусевъ ссылается на моск. митр. Филарета и на самосознаніе восточной православной церкви, поскольку оно нашло себѣ выраженіе въ ея богослуженіи и практикѣ. Обѣ эти ссылки соединены съ фактическими и методологическими ошибками или неточностями.

Митр. Филаретъ не называлъ вполнѣ истинною даже римско-католическую церковь, не говоря уже о протестантской и англиканской, „и уже этимъ однимъ исключалъ ее изъ состава католической церкви, ибо Христосъ не основывалъ не вполнѣ истинной церкви и не можетъ имѣть ее Своимъ тѣломъ“... Таковы сообщенія и разсужденія г. проф. Гусева. Въ дѣйствительности однако митр. Филаретъ всѣмъ намъ извѣстенъ болѣе широкимъ воззрѣніемъ по вопросу и далъ прекрасный примѣръ мудрой осторожности въ своихъ сужденіяхъ о западныхъ христіанскихъ церквяхъ. Мы не находимъ у него осужденія западнымъ христіанскимъ церквямъ и ни тѣни той рѣшительности въ приговорѣ надъ ними, какою заявилъ себя г. Гусевъ. „Единъ Богъ вѣрно знаетъ тѣхъ, которые по живой вѣрѣ и никогда не отпадающей любви неотъемлемо и вѣчно принадлежатъ Ему и Его не земной только, но и небесной церкви“. Въ этомъ уклончивомъ сужденіи святителя о не принадлежащихъ къ видимой земной церкви послѣдними словами о возможности участія ихъ въ церкви небесной дается уже намекъ на нѣкоторое

положительное рѣшеніе вопроса. Этимъ мѣстомъ въ словахъ митр. Филарета вносится важная поправка въ полемику проф. Гусева. Старокатолики согласно Ефес. IV, 4 — 6 и *Правосл. Кътихиз.* (о Свящ. Преданіи и Св. Писаніи, вопр. 3) опредѣляютъ вселенскую церковь какъ совокупность всѣхъ православныхъ, разсѣянныхъ по частнымъ (организованнымъ) церквамъ, подкрѣпляемыхъ обѣтованіемъ Господа о единомъ стадѣ съ Единымъ Пастыремъ (Іо. X, 16), Который во время Своего соберетъ всѣхъ овецъ Своихъ въ *единую церковную организацію*. Въ своемъ пространномъ возраженіи старокатоликамъ, не заслуживающемъ разбора подробнаго, проф. Гусевъ все клонитъ къ тому, чтобы такую церковь, о которой говоритъ апостолъ и катехизисъ, представить невозможною, недѣйствительною, не заслуживающею имени церкви: онъ называетъ невидимую церковь, въ которой вѣрующіе объединяются внутреннимъ единствомъ вѣры и любви, „таинственною и мертвою абстракціею“, „туманнымъ призракомъ“, существующимъ лишь въ воображеніи составителей *Отвѣта!* Дѣйствительная истинная церковь должна имѣть видимую внѣшнюю организацію. Конечно, это такъ. Но все же очень жаль, что эта внѣшняя сторона церкви заслонила собою въ сознаніи проф. Гусева невидимую и внутреннюю сторону ея до степени полного забвенія о ней. Моск. митр. Филаретъ вмѣстѣ со старокатолическими богословами напоминаютъ нашему богослову, что слишкомъ рѣзко настаивая на одной сторонѣ въ понятіи о церкви, онъ забываетъ другую и закрываетъ намъ болѣе широкія перспективы въ пониманіи вопроса забвеніемъ о церкви небесной и невидимой..

„Никакую церковь, вѣрующую, что Иисусъ есть Христосъ, не дерзну я назвать ложною“, говоритъ митр. Филаретъ какъ-бы въ назиданіе проф. Гусеву, злоупотребляющему всяческими бранными эпитетами по отношеніи къ западной церкви, какъ видѣли раньше. „Всякая церковь Христова можетъ быть либо чисто истинная, либо не чисто истинная; сія послѣдняя примѣшиваетъ къ истинному и спасительному вѣры Христовой ученію ложныя и вредныя мнѣнія человѣческія... Я не знаю, многіе - ли изъ христіанъ западныхъ и глубоко-ли проникнуты сими особенными мнѣніями, обнаружившимися въ церкви западной, кто изъ нихъ и какъ твердо держится вѣрою краеугольнаго камня вселенской

церкви Христа "... Какая мудрая и прямо трогательно-христианская осторожность въ отвѣтственномъ рѣшеніи великаго вопроса и какой опять прекрасный намекъ на *глубокое* и христианское рѣшеніе вопроса! Какъ далеко г. Гусевъ и по буквѣ, и по духу своихъ взглядовъ отъ этого знаменитаго богослова русской церкви! Заслуживаетъ вниманія здѣсь еще одна подробность. Называя римско- католическую церковь не вполнѣ истинною, митр. Филаретъ не дѣлаетъ отсюда того вывода, что поѣтому указанная церковь исключается изъ состава церкви вселенской: выводъ этотъ за митр. Филарета дѣлаетъ мысль г. Гусева, окрыляемая болѣе фантазією, чѣмъ логикою. Тѣмъ же духомъ христианскимъ дышетъ извѣстное въ нашей церкви мудрое рѣшеніе митр. Филарета касательно молитвъ за умершихъ лютеранъ, по которымъ онъ позволялъ въ утѣшеніе близкихъ „молитву, не открытую въ церкви, съ которою они не соединились въ жизни“.

Прибавимъ къ сему и еще одну черту. Полемическая статья проф. Гусева, какъ и всѣ прежнія подобныя его статьи, написана въ тонѣ законодательномъ. „Если кто, то прежде всего епископы православной церкви *обязаны* признавать (курсивъ г. Гусева), съ догматической и канонической точки зрѣнія, полную возможность истинно-вселенскаго собора и по отпаденіи римско-католической церкви отъ восточной православной церкви“. Такъ угодно проф. Гусеву. Находясь въ неизвѣстности относительно мнѣнія современныхъ нашихъ епископовъ по этому предмету, а также и того, какъ отнеслись-бы они къ распоряженію проф. Гусева, мы хорошо знаемъ однако мнѣніе митр. Филарета о невозможности вселенскаго собора по раздѣленіи церкви (далеко при томъ не единственное въ русскомъ богословіи).

Вообще, ссылка проф. Гусева на митр. Филарета своею неожиданностью можетъ вызывать только недоумѣніе. Впрочемъ, если-бы и былъ митр. Филаретъ однихъ мыслей съ проф. Гусевымъ, то голосъ одного этого и даже нѣсколькихъ подобныхъ богослововъ не былъ-бы рѣшающимъ дѣло голосомъ церкви, какого хотятъ слышать старокатолики. Странная ошибка въ доказательствахъ церковности своихъ взглядовъ всегда сбивается на голоса отдѣльныхъ богослововъ!

Но вотъ проф. Гусевъ обращается къ свидѣтельству само-

созна́нія восточной православной церкви, сознающей себя единою вселенскою церковью и „въ своемъ богослуженіи, и вообще въ своей практикѣ“... Не знаемъ, какую „вообще практику“ имѣетъ въ виду проф. Гусевъ, но практикою присоединенія къ православной церкви инославныхъ христіанъ утверждается, какъ видѣли, совершенно обратное; что же касается богослуженія восточной православной церкви,носящаго печать такого самосознанія, то оно вѣдь почти все (какъ это г. Гусевъ упустилъ изъ виду?!) относится по своему происхожденію ко времени нераздѣленной церкви! Впрочемъ, для оппонентовъ проф. Гусева ссылка его на вселенское самосознаніе восточной церкви ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убѣдительною: никакія помѣстныя церкви не сдѣлаются вселенскими церквами только оттого, если будутъ сознавать себя вселенскими.

Все, доселѣ сказанное, заставляетъ насъ возвратиться, вопреки проф. Гусеву, къ обычному и общепринятому образу мыслей и думать, что раздѣленіе въ церкви вселенской есть, но раздѣленіе не полное и абсолютное, а оставляющее возможность нѣкотораго единства церкви вѣдомаго единому Богу. Въ допущеніи такого единства при раздѣленіи нѣтъ противорѣчія. Хомяковъ умѣлъ мыслить, но онъ находилъ эти вещи соединимыми, когда писалъ, съ одной стороны, что „одинъ Богъ и одна Церковь, и нѣтъ въ ней ни раздора, ни разногласія“, а съ другой — что Церковь „предоставляетъ суду великаго дня челоувѣчество, чуждое ей, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть“. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь весь вопросъ здѣсь въ томъ, до какихъ предѣловъ простирается раздѣленіе въ христіанской церкви Запада и Востока? Развѣ можно отрицать нѣкоторую связь западной церкви съ церковью Востока и по раздѣленіи ихъ съ точки зрѣнія господствующаго въ православной церкви взгляда на западную, выше нами изложеннаго? При разностяхъ обрядовыхъ, догматическихъ и другихъ есть нѣчто все таки общее между обѣими церквами, единая основа, ихъ связующая въ единый *христіанскій міръ*. Развѣ христіанскій міръ не есть величина дѣйствительная, фактъ историческій? Развѣ въ западныхъ церквахъ не жива еще вѣра въ Св. Троицу и во Христа — Искупителя? Кто можетъ утверждать, что тамъ изсякла христіанская жизнь

въ ея источникахъ и порвались связи со Христомъ и Его Духомъ? „Сокровенныя связи, соединяющія земную церковь съ остальнымъ челоѳчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имѣемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всѣхъ пребывающихъ (для нашего сознанія) внѣ видимой церкви, тѣмъ болѣе, что такое предположеніе противорѣчило-бы Божественному милосердію“ (А. С. Хомяковъ).

Въ восточной половинѣ церкви, милостіею Божіею, сохранилась болѣе вѣрною Христу и Его ученію, а въ западной—менѣе. Посему восточная церковь въ великомъ Тѣлѣ Вселенской церкви является членомъ или частью сильнѣйшею, благодарнѣйшею, благообразнѣйшею, здоровою (1 Кор. X, 22—26), а западная церковь слабою, менѣе благородною и менѣе здоровою частью Вселенской церкви. Пусть восточная половина будетъ глазомъ, а западная—ухомъ въ цѣломъ Тѣлѣ Христовомъ; но неужели ухо уже не будетъ принадлежать къ Тѣлу, потому что оно не глазъ, и нога—потому, что она не рука (1 Кор. X, 14—21)?!

Въ лѣсу или садахъ часто видишь деревья, стволы которыхъ кверху раздвояются въ большія вѣтви. На такихъ деревьяхъ случается видѣть одну изъ этихъ, равныхъ по величинѣ, вѣтвей надломленную, и думаешь, что жизнь прекратилась въ ней,—но что же? Не рѣдко позже замѣчаешь новые, зеленые и сочные, побѣги на надломленной вѣтви, казавшейся уже мертвою. Оказывается, жизнь сохранялась въ ней! Не учить-ли насъ здѣсь природа осторожности и скромности сужденій нашихъ о великой западной надломленной вѣтви вселенскаго древа церкви, растущей изъ одного и того же ствола и питающейся одними и тѣми же соками и корнями его вмѣстѣ съ другою большою восточною вѣтвью, болѣе сохранившеюся по волѣ Божественнаго Провидѣнія?

Я не мало думалъ надъ причиною столь увѣреннаго, рѣзкаго и суроваго осужденія западной церкви, которое произнесъ надъ нею проф. Гусевъ. Цѣлые милліарды людей исключаются изъ состава вселенской церкви, какъ мертвые члены, и обрекаются на вѣчную гибель и осужденіе,—какъ это можно дѣлать съ легкимъ сердцемъ на самыхъ шаткихъ основаніяхъ, безъ колебаній и признаковъ жалости къ людямъ? Главное, какъ можно отважиться на это безъ осо-

баго откровения отъ Бога, никому не открывавшаго о судахъ Своихъ и судьбахъ западной церкви? Не значить-ли все это предвосхищать судъ Божій? Однако при ближайшемъ разсмотрѣннн для такого, смѣю сказать, безсердечнаго и категорическаго рѣшенія вопроса открываются благопріятныя условія въ нѣкоторыхъ недочетахъ въ понятіи о самой церкви вообще, ея существѣ. Указанное рѣшеніе вопроса обуславливается въ значительной степени односторонне-внѣшнимъ, юридическимъ пониманіемъ церкви, какъ только внѣшняго учрежденія. Такимъ понятіемъ о церкви совершенно не допускается возможность различныхъ степеней участія въ церкви, близости къ ней. Когда церковь представляется сознанію болѣе подъ видомъ внѣшняго учрежденія, а не Тѣла Христова и духовной благодатной жизни вмѣстѣ съ тѣмъ, то всякій человѣкъ можетъ здѣсь занять только одно изъ двухъ положеній по отношеніи къ церкви: человѣкъ или въ церкви, или внѣ церкви,—середины нѣтъ никакой, подобно тому, какъ онъ можетъ быть или въ домѣ, или внѣ дома. Поэтому ересь здѣсь, при такомъ представленіи о церкви влечетъ за собою полное и абсолютное отдѣленіе члена отъ церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ полную его погибель, а само требованіе правой вѣры, какъ перваго условія принадлежности къ церкви, пріобрѣтаетъ особое, острое, значеніе, какаго оно не имѣетъ и не должно имѣть въ истинно-христіанскомъ сердцѣ и умѣ при правильномъ пониманіи церкви и христіанства. Конечно, правая вѣра во Христа есть самое главное условіе принадлежности къ церкви и главный критерій ея. Но не обращается-ли требованіе правой вѣры, какъ условія принадлежности къ церкви, въ формальное и узкое требованіе сведеніемъ такой вѣры къ исповѣданію опредѣленнаго списка истинъ холодными устами и холоднымъ сердцемъ, когда только одно такое исповѣданіе принимается во вниманіе, съ забвеніемъ о всемъ прочемъ, и когда всякій пробѣлъ здѣсь становится смертнымъ приговоромъ надъ человѣкомъ и цѣлыми человѣческими обществами? Конечно, вѣра—первое условіе принадлежности къ церкви, болѣе того, она здѣсь—все; но какаѣ вѣра, вотъ вопросъ? Можетъ-ли быть названа правою или спасительною вѣрою вѣра самодовлѣющаго внѣшняго исповѣданія догматовъ однимъ умомъ, безъ участія воли и сердца? Нѣтъ.

Спасеніе наше пріобрѣтается не внѣшнимъ признаніемъ или исповѣданіемъ тѣхъ или иныхъ истинъ вѣры и всѣхъ ихъ даже въ совокупности, а тою живою, по истинѣ спасительною вѣрою во Христа, выражающеюся въ дѣятельной любви къ Нему, на которой зиждется обновленіе всѣхъ истинныхъ послѣдователей Его, дѣйствительно искупленныхъ Имъ (1 Іо. III, 23; V. 1 ср. Гал. V, 6). Требованія этой вѣры отъ всѣхъ ищущихъ спасенія ясно и твердо поставлено въ Св. Писаніи. Съ непререкаемою ясностію и очевидностію внѣ всякаго сомнѣнія поставлена и та истина, что судьба личнаго спасенія, спасенія души, не рѣшается внѣшнимъ признаніемъ или знаніемъ даже всѣхъ истинъ вѣры, даже „знаніемъ всѣхъ тайнъ“, обладаціемъ „всякаго познанія“; безъ живой спасительной вѣры во Христа, принадлежащей истиннымъ христіанамъ, бесполезно „имѣть всю вѣру“: „Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру.., а не имѣю любви, то я ничто“ (1 Кор. XIII, 2). Христось спасаетъ или даетъ жизнь разбойнику на крестѣ, отпускаетъ со словами мира и оправданія хананеянку, сотника, грѣшницу и многихъ другихъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ евангелія,—всѣхъ тѣхъ, которые не могли принести Христу полнаго исповѣданія догматовъ христіанства, но повергнули къ ногамъ Его всю свою душу... Развѣ неизвѣстно, что милосердный Господь въ нѣдрахъ святой церкви Своей даетъ мѣсто не однимъ совершеннымъ и „свѣдущимъ въ словѣ правды“, но и „младенцамъ въ вѣрѣ“, питающимся молокомъ вмѣсто твердой пищи (Евр. V, 12—14)? Не подтверждается-ли это наглядно пребываніемъ въ лонѣ церкви православной десятковъ милліоновъ простыхъ умомъ, но преданныхъ Христу сердцемъ людей, почти лишенныхъ знанія истинъ вѣры самыхъ элементарныхъ до неумѣнья отличить Иисуса Христа отъ Николая Чудотворца? Народная масса во всѣхъ христіанскихъ церквахъ уравнена религіознымъ невѣжествомъ, полнымъ незнаніемъ своей вѣры. Въ виду этого справедливъ-ли сплошной приговоръ надъ церквами во всемъ ихъ составѣ, когда онъ долженъ падать болѣе на іерархію и богослововъ, чѣмъ на мірянъ? Но развѣ церковь состоитъ изъ одного духовенства?.. Справедливый судъ надъ церквами запада возможенъ поэтому лишь въ томъ случаѣ, если богословъ охватитъ умомъ своимъ и

тщательно взвѣситъ всѣ вышеуказанныя и другія возможные обстоятельства, что въ сущности требуетъ всевѣдѣнія. Въ катехизисѣ западной церкви мы видимъ примѣсь къ истинѣ Божественной мнѣній ложныхъ и вредныхъ; но мы должны послѣдовать мудрому примѣру митр. Филарета и предварить свой приговоръ надъ этою церковью рѣшеніемъ вопросовъ, которые онъ даетъ себѣ здѣсь: оказываютъ-ли вліяніе на христіанскую жизнь эти ложныя мнѣнія, или же нѣтъ? Если оказываютъ, то въ какой мѣрѣ,—на многихъ, на всѣхъ или на немногихъ членовъ церкви? Какъ глубоко воздѣйствіе на жизнь людей ихъ ложныхъ религіозныхъ понятій? Всегда-ли, а лучше—когда во всей полнотѣ наша жизнь опредѣляется нашими вѣрованіями и знаніями, даже если-бы послѣднія и были твердыми сами по себѣ? Въ какой степени можно по символическимъ книгамъ судить о христіанской жизни въ той или иной церкви, да и можно-ли безъ ограниченій? Развѣ дѣйствительная жизнь можетъ охватываться какими-либо теоретическими схемами и построеніями мысли? Преувеличеніе дѣйствительныхъ различій церковей богословскою мыслью не становится-ли до нѣкоторой степени дѣломъ психологической необходимости, если эта мысль живетъ въ сферѣ теорій и книгъ, такъ расходящихся всегда съ жизнью?

Что хотимъ выразить всѣмъ сказаннымъ? Только одно горячее и законное пожеланіе наше, раздѣляемое, вѣроятно, многими. Желательно было-бы видѣть больше сердечности и какъ можно меньше формализма тамъ, гдѣ все это особенно неумѣстно, — въ животворной области христіанскаго знанія и богословской мысли. Желательно, чтобы перомъ богослова водила не одна голова безъ сердца и любви, по крайней мѣрѣ—въ вопросахъ, рѣшающихъ судьбу людей и цѣлыхъ народовъ. Никакая мысль, даже самая ученая богословская мысль, если она не просвѣтлена и не согрѣта христіанскою любовью, не будетъ христіанскою мыслью. Если въ другихъ областяхъ знанія сердце не всегда надежный союзникъ разума, то не такъ бываетъ въ христіанской религіи любви, гдѣ пребываніе души въ любви и оплодотвореніе ея любовью называется пребываніемъ во свѣтѣ, а отрѣшеніемъ отъ любви все въ душѣ, въ томъ числѣ и разумъ, осуждается на мракъ и *тьсноту*...

Признаюсь, всѣ подобныя мысли и соотвѣтственные имъ чувства всегда вызывались во мнѣ чтеніемъ полемическихъ статей профессора А. Гусева по старокатолическому вопросу, но послѣднюю статью—особенно. Подѣлиться съ другими этими своими мыслями и впечатлѣніями и было первою цѣлью моею настоящей замѣтки, — въ надеждѣ также въ какой-либо мѣрѣ послужить, можетъ быть, поводомъ къ обмѣну мыслей по старокатолическому вопросу въ нашей духовной печати, сдѣлавшемуся необходимымъ. Свободнаго и искренняго обсужденія старокатолическаго вопроса *на русскомъ нарѣчій*, чего ждутъ отъ насъ и сверху, и старокатолики, еще не было. (А вѣдь только такое обсужденіе вопроса можетъ имѣть научное и церковно-практическое значеніе). Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ прошло со времени возобновленія сношеній старокатоликовъ съ русскою церковью и ея богословами,—и что же? Среди безмолвія русскихъ богослововъ по старокатолическому вопросу рѣзко раздается почти единственный здѣсь голосъ профессиональнаго богослова, наполняя собою и своими отголосками всю пустоту въ богословской нашей литературѣ, образуемую общимъ молчаніемъ. Только въ видѣ покорнаго эха или отголосковъ слышится монотонное подтягиванье и поддакиванье проф. А. Ѳ. Гусеву кое-гдѣ. Всего этого, конечно, нельзя никакъ признать за надлежащее обсужденіе вопроса. Молчаніе, безъ сомнѣнія, вызывается какими-нибудь причинами, въ томъ числѣ, можетъ быть, и боязнью полемики проф. Гусева съ ея, столь выяснившимися теперь, ненаучными приемами (кому охота испытать на себѣ ихъ тяжесть?); но всякое доброе дѣло требуетъ жертвъ, служеніе же истинѣ и правдѣ—особенно. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ молчаніе было-бы прямо неудобно въ виду тяжкаго обвиненія, направляемаго проф. Гусевымъ по адресу всѣхъ православныхъ богослововъ и не богослововъ. И богословы, и церковные историки, и авторы учебниковъ церковной исторіи, и ея преподаватели, и ученики—всѣ до сихъ поръ думали, что существуетъ раздѣленіе въ церкви, и не считали себя еретиками. Но теперь дѣло измѣняется: оказывается, „думающіе“ такъ „впадаютъ въ ересь своего рода!“...

И такъ, можетъ быть, предлежитъ рѣшеніе хотя и не очень плодотворнаго для богословской науки и дѣла еди-

ненія церквей, но важнаго въ настоящихъ условіяхъ вопроса: было-ли въ исторіи и остается-ли теперь то, что обычно называется „раздѣленіемъ церкви“, „раздѣленіемъ церквей“, „отдѣленіемъ западной церкви отъ союза съ восточною церковью“,—все это есть-ли дѣйствительный фактъ, или... „чисто еретическое ученіе“? И какой смыслъ могутъ имѣть молитвы православной церкви о соединеніи церквей, если нѣтъ раздѣленія и не существуетъ даже церкви западной?! Съ чѣмъ и чему соединяться?

Протоіерей П. Святловъ.

Кіевъ
23—31 марта 1903 г.
